Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Красота, которая не спасает мир

26.09.2023.

Трамвайный вагон только для евреев. Варшава. Октябрь 1940 г. © Bundesarchiv

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc переиздало роман польского автора Анджея Щипёрского, впервые увидевшего свет во французском переводе тридцать пять лет назад.

Наша Газета уже не раз имела приятные поводы напоминать вам о проекте «Библиотека Димитрия», осуществляемом издательством Éditions Noir sur Blanc, возглавляемым Верой Михальски-Хоффманн. Выкупив в 2018 году каталог «Славянская классика», созданный Владимиром Димитриевичем и издательством L'Age d'Homme, г-жа Михальски-Хоффманн постепенно переиздает вошедшие в него прекрасные – и давно распроданные – книги русских и восточноевропейских авторов: мы подробно рассказывали о возвращенных таким образом широкой публике произведениях Андрея Белого, Александра Грина, Михаила Замятина, Михаила Коцюбинского, Валерия Брюсова, Михаила Пришвина, Милоша Чапского...

Книга, о которой мы хотим рассказать сегодня, из этой же серии. Ее автор Анджей Щипёрский (Andrzej Szczypiorski; 1928 - 2000) — польский писатель, родившийся в Варшаве в буржуазной семье. Его отец Адам Щипёрский был известным историком и диссидентом, мать, Ядвига Эпштейн, не работала.

Анджей Щипёрский принадлежит к «Поколению Колумбов», то есть к поколению польских писателей, родившихся в начале 1920-х годов и взрослевших в годы Второй мировой войны, в значительной степени сформировавшей их мировоззрение и идентичность. Многие из них погибли во время немецкой оккупации Польши и Варшавского восстания 1944 года, в котором участвовал и Анджей Щипёрский: он был арестован и заключен в концлагерь Заксенхаузен, где находился до 1945 года. Дебютировав в литературе в 1952 году и опубликовав несколько детективных романов под псевдонимом Maurice S. Andrews, в 1970-х годах он примкнул к польским диссидентам, стал одним из организаторов Польского альянса независимости, публиковался в подпольных оппозиционных газетах и в результате был вновь арестован, теперь уже «своими», в декабре 1981 года.

После развала СССР и политических перемен в Польше он получил мандат в польском Сенате первого созыва как представитель общественного комитета «Солидарность» и партии «Демократический союз», возглавлял Общество польско-израильской дружбы. Согласно некоторым источникам, после смерти Анджея Щипёрского выяснилось, что в начале 1950-х годов он сотрудничал с польскими службами безопасности, однако никаких достоверных подтверждений этому мы не нашли. Даже если это правда, то за последующие отпущенные ему сорок лет жизни у него было время пересмотреть свои позиции, причем сделать это публично.

Вершиной литературного творчества Анджея Щипёрского считается роман «Начало» (польск. *Początek*), впервые изданный на польском в 1986 году Литературным институтом «Культура» в Париже, через год, нелегально, в Польше, а официально на родине автора книга увидела свет лишь в 1990 году, через два года после издания на французском в переводе Жерара Коньо, написавшего прекрасное послесловие к новому изданию. Интересно, что в большинстве переводов роман выходил под названием «Прекрасная пани Зайденман» (с вариациями «фрау», «мадам» и так далее) – видимо, издатели сочли акцент на красоту более завлекательным.

Компромиссный вариант был найден Леонардом Семеновичем Буховым (1925-2014), чей перевод на русский язык вышел в 1992 году в журнале «Иностранная литература», а в 2008-м – отдельной книгой в издательстве «Текст» под названием «Начало, или Прекрасная пани Зайденман». Оцените, что опытный переводчик, во время Великой Отечественной войны принимавший участие в боях на территории Польши и Германии и дошедший до Берлина, где и встретил 9 мая 1945 года, сохранил «польскость», не переименовав «пани» в «госпожу»! Книга вышла небольшим для России тиражом, 3000 экземпляров, да еще в серии «Проза еврейской жизни», что тоже, чего греха таить, могло оттолкнуть часть русскоязычной аудитории. Так что надеемся нашей публикацией вернуть интерес к роману, который касается, конечно, не только евреев, а всего поколения, жизнь которого изменила война.

Как и в других своих произведениях, Анджей Щипёрский поднимает в этом романе вопрос о многогранности реальной, а не выдуманной жизни с ее сложными

моральными выборами, особенно если их надо делать в ситуациях, представляющих опасность для жизни. В данном случае Щипёрский описывает судьбу группы жителей Польши во время и после войны. В романе несколько сюжетных линий, главная из которых – история Ирмы Зайденман, еврейки, вдовы известного варшавского врача, белокурой красавицы с голубыми глазами, ставшей жертвой доноса еврея-коллаборациониста, но спасенной из рук гестапо польскими друзьями и этническим немцем. Эта тема и именно в таком ключе не редко встречается в послевоенной польской культуре, а треугольник «еврей, спасаемый поляками и немцами» сразу вызывает в памяти фильм Романа Поланского «Пианист», герой которого, пианист Владислав Шпильман, также чудом спасся из Варшавского гетто. Да, такие случаи были.

Заслуга Анджея Щипёрского в том, что он не пытается нарисовать черно-белую картину, оправдать или очернить представителей какой-то одной нации – досталось всем! Будучи, судя по всему, человеком глубоко верующим, автор пытался ответить самому себе на вопрос, в какой мере трагедия еврейского народа – результат «силы судьбы», Божьей воли, а в какой – дело рук исключительно человеческих. Он пытался сохранить веру в Бога в том момент, когда «Создатель, мрачный, раздраженный, грустный и слегка растерянный, отвернул свой взгляд к другим галактикам, чтобы не видеть того, что Он уготовил не только для избранного Им народа, но для всех людей на земле».

Отсюда – сестра Вероника, любившая всех детей, кроме еврейских, от которых «ее отделяла высокая стена недоверия», но которые вошли в ее жизнь с началом войны и полностью изменили ее взгляд на вещи: ее католический «Бог послал ей еврейских детей, слабых и одиноких, ищущих защиты. Ей выпало их спасти. От уничтожения и осуждения». И она спасает, начав с того, что учит маленьких евреев креститься – ложь во имя спасения.

Отсюда же – проститутка по имени Мария Магдалина, пожалевшая, обогревшая, накормившая Хенрика Фихтельбаума, еврейского паренька, сумевшего сбежать из Варшавского гетто, в котором были изолированы 450 тысяч человек. Невозможно спокойно читать, как он размышляет о Боге, своем, еврейском Боге, спрятавшись в грязном туалете после того, как добропорядочные варшавяне выгнали его из кондитерской, где он позволил себе съесть пирожное: по характерному носу признав в нем еврея, один из них возопил «Еврей ест пирожное!», а другие подхватили: «Иисус! Теперь из-за него нас всех убьют!» У них тоже был свой Бог, как был он у старого судьи Ромницкого, без колебаний согласившегося спасти маленькую дочь своего старого коллеги – оказавшегося за стенами гетто адвоката Фихтельбаума. И у портного Кужавского, до войны отказывавшегося работать на евреев, а после нее назвавшего свою фирму именем погибшего Мительмана.

Можно лишь догадываться, как непросто было писать Анджею Щипёрскому о мерзавце Бронеке Блутмане, ради спасения собственной шкуры доносившего на других евреев, или о еврее Хиршфельде, поменявшем фамилию на польскую и настолько вошедшем в роль, что сам превратился в антисемита, - да, были и такие среди «избранного народа», хотя нет более страшного греха, чем предательство.

Ох, этот вечный вопрос принадлежности, которая выбирает нас или которую выбираем мы сами! Немало, наверно, найдется россиян, которые лучше поймут

сегодня растерянность выросшего в Польше этнического немца Йозефа Мюллера, спасающего Ирму Зайденман из лап гестапо: «Что будет после войны, в независимой Польше, признают ли люди, что я – один из них? После всего, что происходит сейчас между Германией и Польшей, признают ли поляки, что, несмотря ни на что, я – отсюда?»

И кто из наших здравомыслящих соотечественников не мечтает о России, как мечтал о Польше железнодорожник Филипек, о «Польше свободной, справедливой и демократичной, для всех поляков, евреев и украинцев, и даже для немцев, черт бы их побрал!»

«Мне кажется, моя скрипка сломалась, - говорила себе еврейка Ирма Зайдеман-Гостомска, грея свои старые кости на скамейке в Люксембургском саду. – Возвращаясь в прошлое, я пыталась извлечь из нее глубокий и чистый звук. Но мне кажется, что весной 1968 года она разбилась. И ее уже не починить.»

О чем рассуждает героиня, сумевшая уехать из Польши во Францию? Вероятно, не все читатели знают, что после Шестидневной войны в июне 1967 года отношения Польской Народной Республики с Израилем стали ухудшаться, так как Польша заняла арабскую сторону в конфликте. Приказы о задержании «сионистов» издавались милицейскими комендатурами и сопровождались направляемой правительством антисемитской кампанией, в ходе которой польские евреи были объявлены первым секретарем ЦК ПОРП Владиславом Гомулкой «пятой колонной» израильского сионизма. Это привело к усилению эмиграции евреев из Польши, которую покинуло около 20 тысяч человек.

Увы, вопреки известному утверждению Достоевского, красота Ирмы Зайдеман не спасла мир, а крах ее иллюзий разделил в 1968 году и Анджей Щипёрский. Спасибо ему и за эту правду.

Вторая мировая война в литературе
холокост в литературе

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/la-beaute-qui-ne-sauve-pas-le-monde*